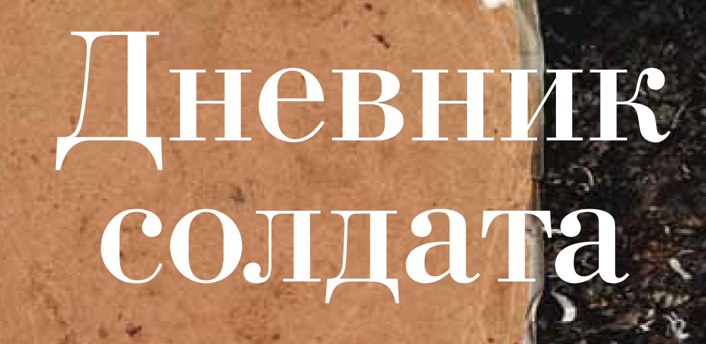

Дневник солдата

1914—1915

Дневник солдата

А.С. Арутюнов, 1914—1915 гг.

Издатель А. Арутюнов
Ростов-на-Дону, 2013

Александр Арутюнов, Турция, 1918 год.

Мой дед, Александр Степанович Арутюнов, родился 4 октября 1883 года. С самого начала Первой мировой войны он был мобилизован в армию и пробыл на фронте до 1918 года.

Я не знаю, почему дед решил вести фронтовой дневник. Возможно, потому что с самых первых дней был назначен ротным писарем. Небольшая тетрадь, исписанная его мелким аккуратным почерком, с чернильной печатью 8-й роты 1-го Пехотного Ахульчинского полка — наша семейная реликвия. Многократно перечитывая страницы дневника, я пришёл к выводу, что подробные, написанные по велению сердца, с бытовыми подробностями, живые и эмоциональные свидетельства современников могут считаться самыми непредвзятыми историческими документами.

В легко читаемом повествовании впечатляют и искренний пафос мысли, и подробности боевых контактов с противником, и многочисленные житейские факты. Для сохранения документальности, дневник публикуется без существенных правок.

Всех, кому «Дневник солдата» интересен, приглашаю обращаться по адресу dnevnik@brandbooker.ru. Буду благодарен за предоставленные фотографии и документы, относящиеся к описанным в дневнике событиям — они нужны для подготовки дополненного издания «Дневника» к 100-летию начала Первой мировой войны.

Александр Арутюнов, внук автора.

8-я рота

1914 год

1914

18 июля была объявлена мобилизация. У военного начальника в г. Новочеркасске, где тогда я проживал со всей моей семьей, состоящей из матери моей Анны, бабушки Шушаник, меня, жены моей Шушаники, братьев Сергея и Степана и сестрицы Марии, меня по разбивке назначили в г. Владикавказ в 261-й пехотный Ахульчинский полк. Первая партия должна была выехать 20-го июля, воскресенье в 5 ч 40 мин дня команда №2.

Провожать приехали из Сулина зять Артём с сестрицей моей Магдалиной. Наскоро приготовившись в дорогу, я последний раз (быть может) приятно провёл время в кругу своих родных и жены, с которой после свадьбы прожил всего лишь 45 дней, пообедав и, затем, напившись чаю в 4 часа мы все направились к вокзалу, где уже был подан поезд для запасных...

Народу было много — все вышли провожать своих. Настал час разлуки и мне, дали третий звонок, и я, расцеловавшись и попрощавшись с родными, сел в вагон. Поезд тронулся... Наши все прослезились и я тоже не выдержал... Но приходилось крепиться и покоряться судьбе. Россия встала на защиту угнетённых братьев Славян, и надо было стать за честь и достоинство св. Руси.

22 июля. Поезд наш подошел к ст. Владикавказ к 6 ч. вечера. Нас на вокзале встретили офицеры и несколько нижних чинов из 81-го Апшеронского полка. Направились командой через город к кадетскому корпусу, где, не доходя, по левую сторону Военно-Грузинской дороги, нас разбили по ротам. Меня с разбивки назначили за ротного писаря в 8-ю роту. Ахульчинский полк был вновь сформирован, и по случаю этого 25-го июля было отслужено торжественное богослужение и вручено знамя 261-го Ахульчинского полка.

28 июля последовало распоряжение о выступлении 2-го батальона из Владикавказа по железной дороге.

1 августа. Рота выехала из города Владикавказа в Эривань, куда прибыла 6-го августа. По дороге во время длительных стоянок на станциях я заезжал в город Елизаветполь с подпрапорщиком Трофимом Мелиховым и вольноопределяющимся младшим унтер офицером Петром Васильевичем Попилиным (Попилин из г. Ростова, угол Садовой и Никольской ул.), посмотрели на город и зашли в кондитерскую, где выпили чаю и вновь возвратились на станцию. В Эривани наша рота разместилась по казармам и мы пробыли всего в Эриване до 15 августа.

15 августа 2-й батальон нашего полка выступил на охрану железной дороги. 8-й роте был назначен участок железнодорожной линии Закавказкой ж. д. от Мухляни — Самтреди — до Поти. Проезжая через Тифлис, я заходил к Леону Микиртычеву, проведал их. Он очень обрадовался и не ожидал меня. Жили они на улице 19-го февраля, №42.

Тифлис. Фото М.С. Проскурина-Горского, 1912 г.

Канцелярия 8-й роты оставалась на ст. Самтреди, где находился и Временный Командующий ротой прапорщик Ваган Михайлович Оганянц. Наш же Командир роты Шатбс Капитан Николай Иванович Семенов, заболев, остался во Владикавказе. В бытность в Самтреди мне пришлось побывать на ст. Михайлов, в гор. Батуми, куда я ездил по делам службы. Был в г. Поти, где на берегу моря наша рота производила учебную стрельбу. На линии ж.д. мы пробыли до 12-го сентября 1914 г.

12 сентября рота выехала в Эривань, куда прибыли 15-го числа и со станции выступили в сел. Канакиры, в 5-ти верстах от Эривани, около которого стояли лагерем. Всё время велись усиленные занятия. Там же стоял и 262 пехотный Грозненский полк и дивизия артиллерии 66 пехотной артиллерийской бригады, 66 пехотной дивизии. 1-я бригада вошла в состав Эриванского отряда. 30-го сентября Эриванскому отряду произвёл смотр помощник Главнокомандующего Кавказкой Армией Генерал от Инфантерии Мышлаевский. В Эривани мне часто приходилось видеться с Григорием Сергеевичем Назаровым и Арташесом Акоповым, они были в 1-ой роте нашего полка.

3 октября. 4-го день моего рождения. В субботу я после обеда взял разрешение и вместе с Назаровым, Акоповым и другими поехали извозчиком в Эчмиадзинь, переночевали и на другой день воскресенье слушали богослужение в Эчмиадзинском монастыре. Службу начал епископ, присутствовало около 24-х архиереев, епископов и архиепископов. Затем 12 епископов вышли из монастыря и направились к покоям Патриарха Геора V Суренянца, через некоторое время пожаловал и сам патриарх в сопровождении 12-ти епископов и 2-х телохранителей. День был воскресный, 4 октября, и я, желая ознаменовать день моего рождения, попросил одного из архиереев исповедовать меня, и я причастился св. Таин. После богослужения мы осмотрели все древности монастыря, Академии, Историческую библиотеку, музей и т.п. К вечеру уже мы были в лагере.

10 октября ко мне приехали в Эривань проведать мама и Шушанна (моя жена), которых я пошел привезти со станции. О приезде их

меня уведомили со станции служащие по телефону. Поместил своих в доме мухси Николай по Назаровской улице, д. №28. Приезд своих меня очень обрадовал, и я по окончании занятий посещал их, и так приятно пролетало время, как вдруг — последовало приказание о выступлении отряда на Игдыр. В этот вечер я пригласил к себе Григория Назарова, Арташеса Акопова и Петроса Петросова. Мама приготовила последний прощальный ужин. Шушанна очень запечалилась, узнав о нашем выступлении утром 17-го октября. К ужину пришла хозяйка дома и её дети сын Николай и дочь Ольга. Все пили за наше здоровье, за счастливый поход и за всю Русскую Армию, которой приходилось исполнять свой долг перед Царём и Родиной. Время прошло в разговорах, что нас ждёт впереди и объявлена ли война с Турцией или ещё нет, нам было неизвестно. К 12 часам разошлись, и надо было отдохнуть к предстоящему походу.

17 октября. В 7 часов утра был отслужен на площади в Эривани около собора напутственный молебен. Меня вышли провожать мама и жена. В 8 часов наш полк двинулся по шоссе, ведущей через Эчмиадзин на Игдырь. Наша рота пропела «Спаси Господи» и двинулась… Момент был тяжелый и я не знал, как и чем утешить убитых горем мать и жену, стоящих тут же невдалеке. Ещё раз поцеловал маму и Шушаник, попрощался. Они зарыдали… Я же направился с ротой вперёд… И так, до свидания, ещё раз оглянулся, махнул им фуражкой…

17 октября в 8 ч. вечера полк расположился биваком за Эчмиадзином в шести верстах.

18 октября в 7 ½ ч. утра выступили на Игдырь. В дороге последовало распоряжение приостановить движение к границе в виду возникших с Турцией переговоров. Полк расположился биваком у сел […]

19 октября в 4 ч. утра по тревоге полк выступил через Игдырь к Турецкой Границе на Чингильский перевал. К 13 ч. мы подошли к сел. Оргов (по левую сторону Арарата в горах) и расположились биваком. 20 октября. Отряд выступил в 8 часов утра. В 3 часа дня перешли

границу Русско-Турецкую. Биваком стали в сел. Карабулах (Турция).

21 и 22 октября. Была дневка. Дул холодный сильный осенний ветер, и как-то на душе было тяжело в неприветливой на первый взгляд Турции. По дороге за Чингилём попадались трупы курдов. Затем мне встречались масса беглецов армян из города Баязета, который был взят нашими 22 октября.

Затем проследовала небольшая партия армян добровольцев в Баязет из России. Солдаты их провожали с криками «Ура». Все сознавали настоящий важный момент, и чувствовалось какое-то единение русской армии с армянским народом, который веками замучен Турками и курдами. И вот настаёт момент, когда этот истерзанный народ должен быть освобождён и спасен от гибели, весь Армянский народ ждет освобождения от векового гнета и произвола курдов.

Взоры всех обращены на спасительницу всех славян и защитницу их Великую Россию, которая уже поднялась как один человек за братьев, за честь и достоинство нашей Родины. В свою очередь, армянский народ желает оказать посильную ей помощь в этом святом

деле. Да поможет нам Бог.

23 октября выступили дальше и расположились к вечеру биваком у сел. Баракят, по дороге прошли армянское селение Арзан, где видел полуразрушенный старый монастырь.

24 октября в 7 часов отряд выступил на город Диадин. Было получено сведение, что к Диадину подходят турки. Проходя по дороге через Диадинский перевал, попадались трупы убитых курдов. К вечеру расположились биваком у Диадина. Погода днём была теплая, но ночи были холодные и легкие морозы. По приходу на бивак разбивались солдатами палатки, кто идет за сеном или соломой для подстилки, кто по воду для чая, другие тащат кизяки для разведения костра и подкрепившись едой и чаем ложатся спать, утром нам выдавался горячий завтрак и затем двигались вперед.

25 октября. Погода была плохая, лил весь день дождь, по дороге к монастырю Сурп-Оганез была грязь и, в виду плохой погоды, привал у Сурп-Оганеза был отменен, и мы проследовали дальше. Ночлег был назначен у селения Ташлычай-Суфла, но дорога стала тяжелой и раскисла, шел мокрый снег. Обозы двигались с большим трудом, в следствии чего наш отряд не дошел до Ташлычай-Суфлы и расположился биваком у селения Аликор. Все порядочно промокли и устали; разбили палатки и кругом появились костры, от которых дым, расстилаясь по земле, едко ел глаза, кое-как согрели чай и этим немного согрелись. На другой день, 26-го октября в 7 часов отряд двинулся на Ташлычай-Суфла, до которого оставалось всего около шести верст и к 10 часам были уже в Ташлычай-Суфле. Грязь невылазная. Селение очень плохое и жителей почти никого. Здесь нам была дневка. Проходя же ранее мимо Сурп-Оганеза, вышла армянская депутация с хоругвями из монастыря и священником во главе и встретила наш отряд с хлебом-солью и с молитвами…

27 октября в 7 часов утра отряд выступил вперед. Погода всё та же. Мокрый снег и временами дождь. Ночлег был у селения Хазар. Селение Хазар армянское и армяне жители вышли все встречать, у

всех радостные лица и приятное настроение. Кланяются войскам и предлагают квартиры. Расположился отряд биваком ниже селения. В этом селении я и ещё несколько человек солдат пошли в одну из землянок армян и попросили, нельзя ли будет купить у них барана и сварить. Они охотно уступили нам одного барана за небольшую плату, сами же сварили хашламы, напекли для нас лавашу и мы у них же поели приготовленную баранину. А на дворе продолжал лить дождь. Мы расплатились и пошли по палаткам спать. Все армяне жалуются на безвыходное своё положение, курды сильно обидели жителей армян, отступая они всё грабили, уводили молодежь за собой, а также уносили армянских девушек... Многих поубивали мужчин.

28 октября в 9 часов утра выступили вперед на город Кара-Килису. По дороге прошли 2 армянские деревни Зиро и Ёнджагу и к 3 часам дня пришли в Кара-Килису и расположились по обывательским квартирам.

29 октябрся была дневка.

30 октября в 3 ч. дня послышались выстрелы с Южной стороны Кара-Килисы. Рота была вызвана и заняла позиции. Курды преследовали наш разъезд, но наткнулись на наше сторожевое охранение, огнём которого были отбиты. В 9 часов вечера вернулись по местам. В городе Кара-Килис большинство жителей армяне, турков и курдов мало, часть их бежала с отступающими турками. При въезде первый раз отряда в город Кара-Килису, наш отряд встретило армянское духовенство с иконами и хоругвями. Солдаты, кто успевал, подходили и прикладывались к иконе и кресту. Время шло в Кара-Килисе в спешной работе, подготовке укреплений и т. п. Были выстроены полевая хлебопекарня, склады и пр. Но погода все же стояла плохая, и грязь была невылазная. Я как-то услышал колокольный звон и, сейчас же, вспомнилось, что здесь есть и армянская небольшая церковь. День был воскресный и я пошел помолиться, поставил свечи, и, по окончании службы, беседовал со священником о их жизни и как им приятно наконец-то освободиться от турецко-

го гнета и жить человеческой жизнью…

На обед меня пригласил к себе домой некий армянин по имени Мкртич Котандесян, у него сын Манук — оба семейные и живут вместе. Он затем предложил мне для нескольких человек квартиру. На другой день к нему перешло одно отделение нашей роты. Так спокойно прошло время до 6-го ноября. Этого числа в 12 часов ночью наших 2 батальона 2-й и 4-й выступили вперед на перевал Клыч-Гядук.

7 ноября в 7 часов утра прошли деревню Челканы, а через час подошли к перевалу, где встретили отряд Певнева. Наша задача была сбить неприятеля и занять перевал. В цепь были назначены пятая и восьмая роты. К 12 часам дня мы впервые попали под неприятельский огонь. Турки с криками и шумом отступали под нашим дружным натиском и заняли самые высоты перевала. С их стороны были слышны крики «Алга» (значит «вперед»). Но видя энергичное наступление наших они стали уходить с высоты назад. 8-я рота заняла самую высокую гору, где и заночевали. А турки с перевала отступили к деревне Ханык. Наступление наше было очень трудное, все по горной местности. Ночью на перевале был мороз при сильном ветре, в виду этого, часовых меняли через каждые 15 минут. Солдаты по несколько человек рыли себе ямы, чтобы хоть немножко закрыться от пронизывающего ветра.

8 ноября в 12 часов дня нас сменили пластуны 5 пл. бат., а мы ушли назад в деревню Аушту, где и заночевали.

9 ноября выступили из Аушту на перевал и совместно с пластунами должны были занять ближние к перевалу селения Ханык и Севик. Наша рота была назначена к полковому знамени. Скоро начался бой, мы были в резерве со знаменем. Видно турки стреляли с большим прицелом над нами пролетало много пуль. Здесь же была убита лошадь пулеметной команды и солдат той же команда ранен. У нас были ранены два унтер-офицера и шесть рядовых. В этом бою турки были разбиты и в беспорядке отступили к деревням Дерик, Суверти и Рутаны. За наступлением темноты бой прекратился и 8-й роте

было назначено сторожевое охранение левее перевала до Севика.

11-го мы возвратились опять в Аушту на ночлег.

12 ноября было приказано занять селение Ханык. В 5 часов вечера перешли в наступление и без боя заняли Ханык, турки поспешно очистили селение, на что указывали не догоревшие костры. Ночевали в Ханыке.

13 ноября. С утра турки стали наступать на Ханык. Наш батальон занял позиции к югу от Ханыка. В тылу заняли позиции две роты другого батальона. Нам было приказано не вступать в упорный бой и при необходимости отступить к перевалу. После сильной перестрелки, по приказанию комбата, рота отступила назад на более удобную позицию. Заметя отход, турки стали нас преследовать. Расстояние между нами и турками доходило до 100 шагов. Нашим огнём турки были отбиты назад. В это время неприятель открыл по отходившим на перевал нашим колонам сильный артиллерийский огонь. Снаряды их падали удачно, один снаряд упал в пяти шагах

от роты, но не разрывались, благодаря чему потерь у нас не было. В нашей роте в этом бою были ранены три человека. Эту ночь мы провели на самой высокой горе и было очень холодно и дул ветер.

14 ноября при Кара-Килисе к нам на подкрепление подошли ещё два батальона Грозненского полка. Мы вновь пошли в наступление, в передовой линии были батальоны 2-го полка. Бой начался в 1 час дня. Противник открыл сильный огонь по нашим цепям. Сейчас же Командиром полка было приказано 8-й роте рассыпаться в цепь на поддержку. Противник под нашим натиском не выдержал и постепенно стал отступать. С обеих сторон участвовали орудия. Но снаряды турок ложились метко, но не разрывались, а поэтому и потерь было очень мало. К вечеру турки отступили. С наступлением сумерек были вызваны охотники, чтобы занять Ханык. Под командой Полкового адъютанта поручика Зайцева, охотники направились к Ханыку и заняли его и взяли два орудия. После этого и отряд весь вступил в Ханык. Очевидно, турки не ожидали нашему сильному набегу и были застигнуты врасплох, заперлись в домах и оттуда открыли огонь, но это им обошлось дорого. Тут мы задали им такую потасовку, что им наверно и во сне не снилось... выбегавших или сопротивлявшихся прикалывали штыками или нагоняли казаки и рубили шашками. У многих турок были засучены рукава и руки оказались в муке и тесте, видно занимались выпечкой лавашей... Поели вкусно лавашей... Но потом около двухсот человек их сдалось в плен. Многим из них также удалось бежать, что благоприятствовала им темная ночь. В числе бежавших, как говорил пленный артиллерийский капитан-араб, был и начальник турецкого отряда Гусейн-Паша. И так мы заночевали в Ханыке.

В этом бою у нас ранено всего в 8-й роте 4 человека. Пленные турки оказались большинство арабы, которые шли сюда около трех месяцев из Багдада и других дальних провинций Турции, всех их на другой день отправили в Кара-Килису...

15 ноября. Наш отряд выступил в 5 утра, турки без боя отступили на сел. Эсмар и Пирюск. К вечеру наш отряд подошел к гор. Дутах-Кебиру. При нашем приближении из Дутаха бросилась партия кон-

ных курдов за реку Ефрат в горы. На ночлег отряд расположился в Дутахе. Грязь была большая и мы с похода хорошо устали.

16 ноября в 8 часов утра наш отряд выступил из Дутаха. 8-й роте назначена была стоянка в Дерике, куда мы пришли к 1 часу дня. Здесь была партия курдов, и застигнутые врасплох открыли по нам сильный огонь, но были все перебиты. Их было до 50-ти человек.

17 и 18 мы провели спокойно и отдыхали.

19-го начали работу окопов. К вечеру сюда прибыла 2-я армянская дружина под начальством Армена-Каро. Дружина направилась дальше к деревне Тундину, выбила оттуда большую партию курдов и на ночь вернулись в Дерик. В отряде армянской дружины были пешие около 400 человек и около 100 всадников на хороших лошадях. Пешие были разбиты по «хумбам», то есть взводам, и в каждом взводе опытный начальник доброволец. Среди них есть и солдаты армяне нашего полка в качестве отдельных командиров. Затем у них есть свой штаб отряда, заведующий штабом, заведующий хозяйством и т.п. Настроение у всех превосходное и вид бодрый. С добровольцами в 1-м взводе в хумбе Ованеса был и мой друг (из Новочеркасской вокзальной лавки) Григорий Назаров, дядя его Арташес Акопов. Они туда прикомандированы из 1-й роты нашего полка.

С 20-го до 28-го мы устраивали окопы и маскировали их снегом.

28 ноября. Был бой у Дутаха, Пирюска и Эсмара. Наша рота оставалась в дер. Дерике для охраны его.

С 29 ноября по 3 декабря время прошло спокойно. Солдаты немного оправились, отдохнули. Пища была у нас в достаточном количестве и мяса сколько угодно. До этого мы отбили у турков около 500 голов баранов, которые были разделены между ротами.

3 декабря. Нашей роте (в порядке очереди) предстояло идти для охраны перевала Глычь-Гядук, который отстоял назад от деревни Дерика около 10 верст. Выступили мы в 8 часов. И пришли на пе-

ревал к 12 часам дня. На перевале были устроены землянки, прямо вырытые в земле и прикрытые землей и сверху снегом. От роты выставлялись сторожевые посты.

3 декабря на перевале были наш Командир полка и Командир Бригады. В полдень пришла полевая артиллерия через перевал и спустилась вниз в долину, называемую Антабской. По всей Антабской долине по селениям стояли наши части войск.

6 декабря. Сегодня наш ротный праздник и нам не приходится торжественно провести его, так как обстоятельства военного времени не позволяют. С перевала нас сменила другая рота, а мы пошли через селение Ханык в Дерик. В Ханыке нашим полковым священником было отслужено молебствие по случаю ротного праздника 8-й роты. Присутствовали Начальник Дивизии, Бригадный, весь штаб. Были произнесены здравницы за Верховного Вождя, за Армию и за всех Начальствующих лиц. Кричали много «Ура!» по окончании молебствия к 4 часам пришли в Дерик. По дороге встретили пленных больных турок, которых везли на конях казаки.

7 декабря. В 10-м часу утра три роты с нашей 8-й и армянская дружина выступили на Перюск через селение Тундин. Пройдя Тундин, 2 роты пошли в сторону Суверти, Армянская дружина и наша 8-я рота к 3 часам дня подошли к селению Перюск. Армянская дружина и 2 взвода 8-й роты были рассыпаны в цепь и открыли сильный огонь. Наша позиция была на гребне горы (не особенно большой). Под прикрытием огня, из окопов противоположного гребня сотни три конных курдов стали подбираться к подножью нашей горы и придвинулись близко к нашей цепи в 80-ти шагах. Наша цепь, в которой был и я со своим 2-м взводом, была спущена вниз. Только тогда стало всем видно, что у подошвы горы были 300 курдов. Сильным огнем мы сбили курдов, которые в беспорядке ускакали за выступ горы, скрывшей их от наших выстрелов. На месте осталось около 40 человек курдов и несколько лошадей. В середине боя было обнаружено стремление турок обойти наш левый фланг, но они были отбиты вызванным взводом 8 роты и пулеметами. С наступлением тем-

ноты бой прекратился, и мы возвратились в деревню Дерик к 12 часам ночи. В этот день мы сделали в оба конца около 35 верст по горам и снегу и порядочно-таки уморились, но всё же не без пользы.

С 8 декабря по 12-е прошло сравнительно спокойно, за исключением перестрелок с нашими разъездами и курдами. 11-го была сильная перестрелка у наших разъездов с курдами, которые преследовали казаков до Суверди. Курды были отбиты батальоном, расположенным в Суверди.

12-го в 5 часов вечера две роты нашего батальона и полурота 8-й роты совместно с армянской дружиной выступили на Тундин и далее на Перюск, куда дошли к 11 часам вечера, не обнаруживши противника, отряд наш вернулся в Тундин к 2.30 часам ночи.
13 декабря. В 6 часов выступили вновь на Перюск, имелись сведения, что против Пирюска высоты заняты противником. Был сильный мороз и туман. Наша полурота была в резерве. Сильным огнём противник с высоты был сбит и отступил. Бой развивался и у Дутаха, левее Перюска в семи-восьми верстах. Только что рассеялся туман, бой принял ожесточенный характер. Турки упорно держались и старались обойти левый фланг, против них был выслан из резерва 1 взвод нашей роты. Дружным и метким нашим огнем мы заставили турок приостановить наступление. В этом бою особенно отличились части армянской Дружины, которые смело бросались на турок, приводя их в смятение. Да вообще, все исполняли возложенное на них смело и геройски, и никого не могло устрашить численное превосходство неприятеля. В этот день турки понесли большие потери, с нашей стороны потерь очень мало до 10 человек раненых, из которых один тяжело. В стороне Дутака наши потери немного больше, были убитые и около 20-ти раненых. Участвовали в бою пулеметы и артиллерия. Бой длился до наступления темноты. Турки скрылись, а полурота 8-й роты пришла в Тундин и отдохнула до 11 часов. А затем вернулась в Дерик к 1 часу ночи. На другой день вернулись в Дерик и остальные две роты и армянская дружина.

Во всех боях, когда только участвовал наш командир полка, полковник Потто, он был для всех примером своей храбростью и

неустрашимостью и спокойным умением ведения боя. Все солдаты были почему-то уверены, что удача будет всегда на нашей стороне, и Бог действительно помогал нам. До 16 числа было спокойно.

17 декабря. Вечером в 6 часов наш батальон выступил через Ханык на перевал и, затем, в Кара-Килису через Челканы. Пришли в Кара-Килису к 1 часу дня. Никогда я не забуду этот ночной переход, тем более через горы, и я так устал, что не чувствовал под собой ног. Холод был ужасный около –20°... По дороге тяжелая картина, всюду двигаются масса армян беженцев, мужчин, женщин, детей, некоторые дети от холода и усталости падают, и их подбирают наши солдаты и многим способствовали матерям, неся на руках детей, кто идет пешком, кто в санях едет, словом тянутся несчастные беженцы в сторону России, побросав всё своё имущество и жилища. Картина очень тяжёлая и нет слов передать то, чего видено много. Многие старцы и женщины, больные, еле передвигают ногами, падают, и тут их сажают наши артиллеристы на сидения орудий и зарядных ящиков. Словом, где только можно в обозы и т.п. сажают и подвозят... Все убиты горем и несчастьем. Такая же плачевная картина и в городе Кара-Килис. Кругом слезы, плач и каждый житель армянин старается выбраться из места боевых столкновений с турками и курдами.

19 декабря наша рота была в сторожевом охранении за Кара-Килисом. Ночь провели тревожно. Было холодно. Заставы помещались в вырытых землянках, прикрытых палатками. Утром мы вернулись в город и уже 20-го декабря 1914 г. весь отряд выступил из Кара-Килисы на Ташлыгот-Суфлу. Сзади доносились взрывы. Ночлег был в [...] деревне Гергер.

21 декабря утром выступили на монастырь Сурп-Оганез через Ташлыгот-Суфлу. Снегу было очень много, и передвигались с трудом в особенности артиллерия и обоз. К 7 часам вечера пришли в монастырь Сурп-Оганез (Уч-Килисса). Монастырь очень громаден и совершенно пуст, из жителей и служителей ни души, 2 батальона свободно разместились внутри монастыря, и мы отдохнули до утра.

Этот монастырь очень древний, более 1500 лет как выстроен, по словам жителей. Стены и крыша купола все сделаны из камня. Громадные своды и красивая архитектура. Монастырь кругом обнесен высокой каменной зубчатой стеной и выстроен у подошвы горы, против протекает река Ефрат.

22-го декабря выступили на Диодин. 8-я рота была назначена в тыловую заставу, а отступление прикрывал 1-й Казачий Лабинский полк. Курды шли по пятам нашего отряда. Подойдя к селению Шекро (от Сурп-Оганез в 10-ти верстах) мы разместились по землянкам к 2 часам дня, так как здесь была назначена дневка. Не успели мы согреть чаю и устроиться по курдским хатам, как раздались орудийные залпы из батареи, стоящей на пригорке в 50-ти шагах от нас. Это наша батарея стала стрелять по наступающим курдам, которые скоро отступили к монастырю. Затем мы разместились по квартирам и отдохнули.

23 и 24 декабря было спокойно. Я устроился в конюшне с ротными лошадьми и буйволами, так как кроме было негде, да и везде плохо по кудринским хатам, то и гляди завалятся и придушат.

25 декабря. Сегодня рождество, но для нас проходит как обыкновенный день и скучно. Одно все вспоминают, как в эти дни все радовались в кругу своих семейств и что сейчас родные делают, и в этом духе велись разговоры до вечера.

26-го рота была в сторожевом охранении и прошло спокойно.

31 декабря. С утра началась перестрелка. Вечером наша рота выступила на поддержку одной роты нашего батальона и, отбив неприятеля, возвратились к 10 вечера.

Ровно в 12 час. у нас был готов чай и мы подняли по чашке горячего чаю, поздравили друг друга с наступлением Нового года, выпили чай и уснули сладко и мягко на полове. Я спал вместе с подпрапорщиком нашей роты Меликовым.

1915

1 января. День ясный, морозный. Все солдаты поздравляют друг друга с Новым годом и т. д. Все-таки нас обрадовали, так как получили дарственные вещи и подарки. Был и табачок, сахарок и разная мелочь. Я получил четыре письма из дома, и одно от Артема и меня это очень обрадовало.

Вплоть по 3 января особенных боевых столкновений не было. Но ходили слухи, что пойдем в наступление. К вечеру получился приказ выступить отряду вперед на г. Кара-Килису.

3 января. Отряд выступил в 10 часов к монастырю. 2-ой батальон вышел в составе авангарда. К вечеру подошли к Ташлыгай Суфлу, где и заночевали.

4 января выступили дальше, и дошли к вечеру к селению Хазар. Всюду глухо и нет нигде жителей.

5 января. В 8:30 выступили вперед и заночевали в Бушене. Кара-Килису прошли 3 ч. дня, всюду видны разрушенные здания и сожженные курдами при отступлении. По дороге встретили несколько трупов женщин армянок убитых варварами курдами. Видно курды и турки никак не ожидали наше быстрое наступление и в каждом доме остались следы пребывания турок, или оставлено много разных съестных припасов провианта и даже собственных вещей. К 7 часам 5 января мы уже разместились по квартирам в селе Бушенк, занесенном глубоким снегом. Все порядочно устали и проголодались с дороги. По избам всюду задымилось, и дым от кизяков ел глаза и захватывал дыхание, так топили тундиры, и дым шел прямо или в дверь или в маленькое отверстие крыши. Нас человек восемь поместилось отдельно в маленькой избе и тоже принялись за приготовление чая и разогревание консервов имеющихся у нас, наелись, напились, принесли себе половы и легли спать. Мне вспом-

нилась разница, как нам всем приходилось радостно, в чистых комнатах, сильно освещенных лампами или электричеством, в кругу семьи встречать крещение, разговляться, и проводить приятно время, а сейчас сидим в грязной, вонючей избушке, слепленной из одной грязи, без всяких окон за исключением маленькой дырки в крыше, служащей светилом. Дома — после хорошего ужина идем на мягкую кровать и ложимся в чистую постель, а здесь не раздеваясь в грязном белье, где еще докучают разные насекомые, ложимся прямо на холодную землю или если найдем постелить себе половы и сумку в головах, а шинелью укроешься, холод дает о себе знать и ноги мерзнут. Долго я в эту ночь не мог уснуть и только к утру немного вздремнул. Но и прозяб тоже хорошо. Но по привычке уже не обращаешь внимание.

6 января 1915 года, Крещение.

Поднялись мы часов в 7.30 утра. Напились чаю. Поели завтрак, приготовленный в походной кухне. И все занимались разговорами, шутками. Часам к 11 дня казаки пригнали пленных турок 13 человек, захваченных казаками при отступлении их к перевалу. Наши офицеры давали им курить, расспрашивали их и видно турки были довольны случаем, что попали в плен. С 6-го по 13-ое мы простояли в Бушеке.

14 января в 3 час. дня отряд выступил вперед и к 5 часам вечера пришли в селение Чали, и здесь разместились по избам, простояли здесь три дня. Все время по дороге со стороны Алашкетри тянулись нечастые беженцы армяне, больше всё женщины и дети. Мужчин не видать. Курды всех мужчин и молодых ребят частью перебили, а частью увели, уведены почти все девушки и молодые женщины. Наиболее пострадала армянская деревня Моли-Сулейман, где масса убита армян. Страданиям бедных матерей и детей нет конца. Глубокий снег, морозы и ужас пережитого ими горя совершенно обезумили их и бегут от варваров тиранов голодные полунагие женщины, дети и старцы. Многие больные попадали дорогой и замерзали. Замерзали и дети. При виде этой тяжелой картины невольно сжимается сердце и наворачиваются у всех слезы и сердца солдат

наполняются злобой и беспощадной местью к курдам, которые должны быть жестоко наказаны за зверства над христианами. Все солдаты по силе возможности содействуют беженцам, дают им сухари, хлеба, обогревают детей и женщин у костров, дают им имеющиеся у них запасные лишние вещи, кто рубахи, кто перчатки, теплые кальсоны, носки, даже фуфайки, чай и сахар. Словом никто не жалеет ничем и стараются как-нибудь облегчить и помочь несчастным. Видел я одну старушку, которая дойдя до селения Чали упала на кучу половы и уже потеряла сознание. Ей было не меньше 70 или 80 лет. Подошел к ней, спрашиваю, и она только смотрит и слов произнести не может от устали и с холода язык не говорит. Тут я попросил товарища, и мы её подвели под руки к костру. На ней было одно ситцевое платье и какой то ватный, старый жилет весь в лохмотьях и на ногах чусты, а ноги обмотаны в тонкий изношенный холст. Немного согревшись и придя в себя, она стала молиться и благодарить нас, вознося взоры свои к небу. Мы ее успокоили, затем я пошел, снял свои теплые исподние брюки, фуфайку, другие товарищи дали носки 2 пары, нашли теплые портянки и теплый ватный пиджак. Как могли, потеплее, одели ее, ввели в одну из землянок, напоили чаем и накормили. Ночью ее не пустили и, до утра, она пробыла у нас и утром пошла с Богом дальше. Радость и благодарность были безграничны. И таких примеров много-много... Одна слепая лет 45 женщина и больная на ноги еле дотащилась до Чали и легла прямо в снег. У неё нет никого, имела невестку и двух взрослых сынов. Курды при ней же убили сыновней, а невестку увели и вот она одна, с другими, кое-как бежит. Солдаты отвели её в околоток, где её обогрели, накормили и напоили. Много добра и пользы принес беженцам наш батальонный врач Тер-Терьянц. Многие сотни беженцев, женщин и детей спасены им от холода и голода и по распоряжению его их подвозили на казенных фургонах в город Кара-Килису, где уже беженцы могли себя считать в безопасности. Многим больным наши врачи оказывали помощь и спасали от гибели. Вышеозначенную слепую женщину на другой день с большой партией детей отправили на казенных фургонах и двуколках в Кара-Килису. У одного мальчика лет тринадцати было около 6 ран на спине и руках от ножа курда, он потерял отца и мать

и сильно истекал кровью. Раны были перевязаны какими-то грязными тряпками, и он несчастный от боли, холода и усталости стонал. Его тоже привели в околоток, где врач сделал ему промывку и перевязки, после чего подводой он был отправлен дальше. Одна женщина, не доходя до деревни с версту, разродилась от бремени мальчиком. Она сняла с себя последнею теплую одежду и закутала новорожденного. Сама бледная, измученная, с ребёнком на руках еле дотащилась до конца деревни. Здесь у неё взяли ребёнка наши солдаты и под руки довели больную в околоток. Здесь врач оказал ей помощь. Сшили на скоро для ребёнка одежду и через два дня её проводили подводой. Приходилось видеть часто группы детей по 20-25 человек разных возрастов и пола. Все без родителей, одни, кричат, плачут и некому помочь и услышать их... Одно их спасало — пребывание русских войск, много сочувствовавших их спасению. Все от мала до велика просят Бога о скорой победе Русским Войском, и все смотрят на Россию, как единственную их спасительницу от постоянных зверств варваров.

18 января. Из Чалов выступили на Челканы. С Челканов часть отряда направилась дальше, а часть вправо на селение Кола, где и разместились по землянкам курдов. Жителей здесь нет никого. Одно остались — крупной породы собаки, которые ходят большими партиями и вечерами жалобно воют, нагоняя тоску на душу. Зима и здесь вовсю. Отсюда недалеко и горы. Впереди нашей деревни в 3-х верстах еще одна деревня Султан-Абад, куда и выставлялись по очереди от роты сторожевые посты. Нашими сторожевыми постами, стоящими впереди Султан-Абада хорошо заметны сторожевые посты турок, выставляемых с перевала Клыч-Гядук.

22 января. И так все это время мы спокойно сидим в селе Кола. Неприятель себя не обнаруживает, сегодня от нашей роты 1 взвод пошел с сторожевое охранение в Султан-Абад. Мороз до 20.

27 января. Сегодня вся 8-я рота в 8 часов утра пошла в сторожевое охранение в Султан-Абад. Деревня очень маленькая и все землянки полуразрушены. Холод дает себя чувствовать, так как кругом по землянкам сквозит, нет дверей. Смена нам будет завтра в 12 часов, и мы возвратимся обратно в Кола.

30 января. Сегодня утром в 7 часов я с ротной двуколкой поехал в горород Кара-Килису по делам ротной канцелярии, так как все книги и разные дела роты были при обозе 2 разряда в Кара-Килисе, и мне нужно было взять оттуда некоторые книги. Приехали туда к 12 часам, и я остановился при нестроевой роте, где был и наш Контенармус Павел Прокопенко, у них хорошее помещение и тепло. Наутро я рано встал, напился чаю и приготовил все книги и с парной двуколкой выехал обратно на Кола, с нами же ехало около 12 подвод с хлебом для наших частей.

3 февраля. Нашей роте произвел смотр бригадный командир Генерал-майор Амосиийский. Я, получая письма из дома, вижу, что высланы мне четыре посылки около 3 месяцев, но до сих пор я не получил ни одной. Просто досадно, здесь так отрадно получить что-

нибудь съестное, что лучше всех денег, так как купить негде и нечего. А казенная пища и хлеб уже около пяти месяцев как этим и живешь, просто надоела и скучаешь обо всем – вспоминая как приятно откушать белого хлеба, хорошей колбаски или сыру, икорки и сардинок, выпить чаю с сухарями и тем более всё это из дома послано, а тут ждешь не дождешься никак. Но уже есть слухи, что на днях придет партия посылок из Игдыря.

8 февраля утром прикатила парная двуколка и привезла в нашу роту 97 посылок для солдат. Я вне себя от радости и все четыре мои посылки получил в полной исправности. Три были из Новочеркасска, от своих, а одна из Сулина, от Артема. Первый раз за 5 месяцев я с удовольствием закусывал вкусной копченной колбасой, икрой, сыром и прочим. Запас закусок мне, пожалуй, хватит на месяц и сдобных сухарей, которые приготовила сама мама и жена. Артём прислал мне кроме закусок хороших конфет, чаю, сахару и несколько пачек папирос, самое необходимое. И кроме этого в посылках была XX , а в других ещё были бумажные конверты, карандаши и т.п. В посылках были уложены и несколько газет и журналов, все с жадностью перечитывали о военных событиях на всех фронтах и приятно было слышать новости с дорогой Родины. Здесь очень скучно на этот счет и живешь во мраке, не зная, что где творится, и как идут успехи наши и наших союзников с врагами. Ежедневно среди солдат появляются разные слухи, якобы из достоверных источников, о большой победе, о нашем наступлении, о наступлении турок; то будто нас переведут на другой фронт, а то просто уже турки просят мира и т.д. Просто дивишься, откуда и как берутся эти слухи, иначе «Солдатские телеграммы».

А погода стоит пока опять холодная, спасибо, что в нашей хижине есть «тудтырь» — то есть, печь, выложенная среди хаты в земле аршина на 1,5, в который натапливают дровами или кизяками. Пока они прогорают, дым ужасный и приходится всем уходить на двор на полчаса или больше, пока перегорят дрова и пр., и тогда возможно входить в хату и уже до самого утра бывает тепло и мы спим ночь в теплой хате.

10 февраля. Наша рота заступила в сторожевое охранение в дер. Султан-Абад. На другой день 11-го февраля роту смотрел новый Начальник дивизии Генерал-Майор Варопанов.

11 февраля. было получено приказание выступить нашей роте с 3-м батальоном для взятия перевала Клыч-Гядук. Из нашей роты вызвались 18 человек охотников идти вперед. По средней дороге идущей прямо к перевалу двигалась 10-я рота, а за нею 8-я рота. Выступили из Султан-Абада в 11 ч. вечером. Другие роты пошли в обход по горам и правой стороне. За нашей ротой шли пулеметы и два горных орудия на вьюках. Шли, соблюдая полную тишину. Снег был глубокий, местами люди проваливались по пояс и кроме того двигаться приходилось всё в гору к перевалу до которого не менее тысячи верст. Наши охотники незаметно подкрались к первому турецкому посту, но собака, бывшая при турецких часовых, лаем выдала наше присутствие. Они, отстреливаясь, стали уходить… Прошли ещё некоторое расстояние и наше движение заметили другие посты турок по левую сторону дороги с высокой вершины и оттуда начали стрелять по нам. 10-я роты свернула вправо на гору а наша пошла прямо. Наш командир роты Штабс-капитан Семёнов, идущий всегда впереди роты, сознавая бесполезность стрельбы в темноте, приказал роте рассыпаться в цепь и не стреляя двигаться вперед. Турки, видя, что ничем не могут остановить наше движение, стали отходить и открыли сильный огонь. Люди очень устали, передвигаться по сугробам и на гору было очень трудно, но, видя своего Начальника впереди и сознавая важность момента, напрягали все силы, местами останавливались на несколько секунд или минуту перевести дух. Для того, чтобы осадить турок, открывших сильный огонь по нам, мы открыли по ним частый огонь. Турки прекратили стрельбу, и мы снова двинулись вперед. Таким образом, мы с криком «Ура» бросились на них… Турки не выдержали и бросились бежать за перевал. Первые, выбравшиеся на перевал, люди обстреляли отступавших турок залпами… Остальные цепью заняли гребни гор вправо и влево от перевала. Здесь же на перевале были захвачены 4 ящика с артиллерийскими снарядами, 3 ящика с ружейными припасами, 2 войлочные кибитки (палатки) и 2 походные палатки. В плен были взяты девять турок. Тем временем,

наши скотники совместно с охотниками 10-й роты карабкаясь по крутым склонам высоких гор взобрались на самую вершину, от перевала вправо, высокой горы, здесь только турки заметили приближение наших молодцов и они все пришли в замешательство, только один часовой успел дернуть и произвел выстрел из находящихся здесь двух орудий, хорошо замаскированных в окопах. Снаряд из орудия полетел в туманную даль, так как прицел орудия был поставлен на далекую цель. Очевидно турки никак не предполагали, чтобы кто-то мог подкрасься к орудиям по разрушенной дороге и глубокому снегу. Охотники, крикнув «Ура», бросились к орудиям… Орудия были взяты, пять человек часовых и орудийная прислуга сдались в плен. Орудия сейчас же повернули в сторону отступающих турок и открыли из них огонь по бегущим от страха чудакам-дуракам туркам. Из одного орудия стреляли наши охотники, из другого охотники десятой роты, ефрейтор Алексей Клонов наводил, а рядовой Елисей Ширилин производил выстрелы… Уже рассветало, турки скрылись по направлению Сивики и Ханыка. Тогда наши артиллеристы горной батареи открыли меткий огонь из своих орудий по Ханыку и Сивику, откуда турки и курды поспешили удалиться дальше и совершенно скрылись. Начальник отряда поблагодарил нас за успешное взятие перевала Клыч-Гядук, мы пошли на отдых в Кола, а три роты остались там пока их сменил другой батальон. Руководил действиями при взятии перевала Подполковник Самарцев (армянин из Нахичевани-на-Дону). К 12 часам дня 12-го февраля наша рота пришла в Кола.

В продолжение времени до 6-го марта было на всем нашем фронте спокойно, были случайные перестрелки с нашими разъездами. Батальон же нас чередовался с другими и ходили через три дня на охрану перевала К-Ч.

6 марта я и ещё два человека нашей роты утром в 6 ч. верхом на лошадях поехала в г. Кара-Килису. Мне предстояло дело взять некоторые бумаги и сделать покупку. По прибытии в Кара-Килису их Диодина получились посылки н.ч. Я поскорее справился с делом и покупками и отобрав посылки нашей роты, уложили в мешки и вьюками уложили на лошадях по два мешка и все трое к 7 часам вечера были уже на месте в Кола.

7 марта. Турки в большом числе, пехота и кавалерия стали наступать со стороны Кабан горы, сбили наши казачьи посты близ деревни Зейдекан и заняли деревню. По вызову туда была двинута рота нашего полка и несколько сот казаков для задержки неприятеля, который завязал сильную перестрелку, продолжающуюся до вечера. По слухам у нас были раненные и убитые до десяти человек. Вечером последовало приказание выступить утром 8-го марта 2-му батальону к стороне Зейдекана. Приготовились...

8 марта. В 8.30 утром наш 20-й батальон Акульчинского полка и три роты Грозненского полка двинулись из селения Чурук в направлении к сел. Зейдекану, откуда уже доносились выстрелы учащенные с обеих сторон. Турки за сутки успели хорошо укрепиться и установили свои орудия и заняли позиции. Бой разгорался. Из Чурука 8-й роте было приказано следовать за артиллерией. В селении Таво артиллерия была оставлена, а 8-я рота присоединилась к батальону. К 12 часам дня мы уже пришли к дер. Ханзырь. Из Ханзыря оставалось до места боя не более 7 или 8 верст. 8-я рота шла сдвоенными рядами за 5-й ротой, бывшей на нашем левом фланге. Завидя наше приближение, в 2 часа дня, с вершины, находящейся западнее Зейдекана, неприятель начал обстреливать наши колонны артиллерийским огнём. Рота была перестроена во взводную с разомкнутыми рядами колонну; шеренги были разведены одна от другой на 50 шагов. Несмотря на учащенный артиллерийский огонь по нам, мы продолжали следовать вперед, во главе ехал бригадный Командир, и мы так шли около 45 минут. В это время с нашего правого фланга появились группы противника. Полковник Колиев приказал нашей роте взять направление на эти цепи и на противника, занимавшего против нашей 6 роты. 8-й роте была поставлена задача отрезать путь отступления противника. Для исполнения этой задачи рота была заведена левым плечом. Ближайшие цепи противника были сбиты огнем нашей роты и стали отступать. Постепенно принимая влево, мы старались отрезать ему пути отступления. Пройдя реку Зейдекан, то к хребтику перед нами стали появляться одиночные люди противника старавшиеся занять этот хребтик. Наш командир сейчас же вызвал охотников занять скорее этот хребтик, охотники

быстро его заняли, а затем уже подоспела и вся рота, и заняла позиции по этому хребтику и начали залпами обстреливать противника…

Противник, расположенный у сел. Шадиан, заметивший, что мы его обходим, взял направление на нас. Неприятель было приблизился на 400 шагов, но сильным нашим огнем и последовавшим нашим быстрым движением вперед с криком «Ура», он был приведен в замешательство и стал быстро отступать к сел. Зейдекану; к нему присоединилась бывшая против нас часть противника. Тем временем, на правом фланге и впереди удачно действовали другие наши роты, в особенности наносили сильный урон туркам наши пулеметы, которые положительно их косили… Принимая влево и продолжая стрелять на ходу, мы стали преследовать противника и старались отрезать ему путь. Противник был приведен в полное замешательство, и, видя, что уже окружен, стал бросать с себя снаряжение и амуницию. Мы энергично преследовали его. Несколько раз противник, неся потери от нашего огня, останавливался, собираясь группами, желая сдаться в плен. Но огонь пулеметов, действовавших по ним со стороны сел. Шадиан, заставлял их двигаться дальше… По пути нашего наступления лежало много раненых и убитых турок. Перед ними людьми роты были захвачены три турка. Затем у ручейка, протекающего северо-восточнее с. Зейдекана, голова роты настигла хвост колонны противника и захватила здесь в плен турок до 50 человек. Продолжая преследовать, мы настигли его севернее с. Зейдекана, где совместно с людьми 50-й роты нашего полка, окружили его. Одной нашей ротой было взято в плен около 180 человек при 2-х офицерах. Кроме этого другими ротами были взяты ещё много турок при 5 офицерах и 1 полковника раненного. В этом бою потерь у нас в роте не было. Были потери, но мало, в других ротах, всего не более 25-30 человек с раненными. Трупы же противника были усеяны по всем склонам и местам боя. Когда турецкая артиллерия заметила, что их обходят, то поспешила улизнуть, побросав тележки и прочее и взяв на вьюки одни лишь тела от орудий. Многие турки успели раньше убежать в горы. К концу боя многих нагоняли наши казаки «Лабинцы» и брали в плен, а кто сопротивлялся, то их отправляли к Магомету предварительно разрубив на несколько частей.. В этот раз мы дело имели не с кур-

дами, а с отборными турецкими стрелковыми полками, которые были сюда присланы из Константинополя. Это был 32-й Стрелковый Константинопольский полк. Но для нас не страшны никакие их части и мы сумеем справиться всегда, и покажем туркам, что такое русский солдат. На поле битвы лежало много раненных турок, сейчас же наши санитары приступили к перевязке их, и каждый из нас помогал облегчить участь раненных. Всех раненных на носилках принесли до первого перевязочного пункта и пленных около 400 человек сопровождала наша 8-я рота до селения Челканы, где их сдали Начальнику Гарнизона и мы возвратились в Кала к 4 час. утра. В этот день нам пришлось пройти туда и обратно не менее 35-ти верст. После этого ещё 2 дня наши части находящиеся в Зейдекане убирали трупы убитых турок. Остальная их часть, бежавших обратно, на третий день наткнулась на наш Саракамышский отряд, который часть их взял в плен, а часть перебил.

10 и 11 – отдыхали. Иной раз бывало, когда нет у меня работы и я свободен, я с товарищами из нашей роты ходил с удочками на реку Шарбян-су не более четверти версты. Приходилось возвращаться с добычей и рыбу, почистив, жарили на сале, что составляло давно невиданное приятное блюдо. Таким образом время все двигалось вперед, понемногу стала приближаться Св. Пасха. Вспомним, бывало, как у себя дома приятно встречали этот Великий для всех христиан праздник. Какая идет по городам и селам суета и приготовление, а здесь всё это отсутствовало и не было ничего заметно... В пятницу подпрапорщик нашей роты Мелихов, по делам поехал в Кара-Килису, и я его попросил, что если есть где съестного купить для меня, дабы мог чем-нибудь ознаменовать великий праздник.

К вечеру этого дня 20-го марта подпрапорщик вернулся, привез посылки для солдат и привез для себя и меня ветчины, 10 шт. булок французских, банку сгущенных сливок с шоколадом, сыру голландского, копчённой колбасы и сливочного масла. Всё это покупалось за двойную цену, потому что привозилось из Эривани по невозможно скверным дорогам и грязи. Так что праздник для нас прошел хорошо, и мы были обеспечены закуской. Кроме это-

го, в субботу из полка было выдано понемногу и по яйцу на человека. Затем были получены в этот день дарственные рубахи и кальсоны теплые и холодные и все имели возможность одеть чистое бельё и как-то были настроены в ожидании Воскресения Христова.

Вечером я с подпрапорщиком разговлялись маслом и сыром, напились чаю с белым хлебом (булками), поговорили о своих семьях, что сейчас и у нас дома все сидят и наверное не раз вспомнят о нас и не одна слеза скатится из глаз матери и жены и всех родных, которые не знают где и как находимся мы в данный момент... Да! Не вытерпишь, и при воспоминании об этом вечере невольно появляются слёзы на глазах. Скучно нам, но ещё более скучно и грустно нашим родственникам и близким... Наш командир роты Семёнов уехал по делам в Игдырь. На утро нам предстояло идти на охрану перевала Клыч-Гядук, в все три дня Пасхи придется проводить не нам.

22 марта 1915 года, Воскресенье.

Сегодня Пасха! Христос-Воскрес! Часам к 8-ми нас выстроили, пришли к роте поздравить вр. Командующий ротой прапорщик Морский, после поздравления мы пропели ротой Христос Воскреси! Многие прослезились и голос как то грустно раздавался по селению... Поздравляли и мы друг друга. В 8 час. был роздан обед и к 9-ти часам утра уже выстроились к выступлению на перевал. День был ясный, теплый, кругом щебечут, резвятся птички, на душе как-то приятно с наступлением весны. В равнинах снег уже спал, и показалась зеленая травка и цветочки подснежников и т.п. Шли мы до перевала часа два с половиной. Уже с Султан-Абада постепенно в горы дорога была незавидная, снег подтаивал, образовывая на дорогах грязь, которая прилипала к ногам и затрудняла движение. Чем мы ближе к перевалу, тем больше снегу. А на горах снег и не думал спадать, глубоким покрывалом были облачены все вершины и холмы. Не доходя перевала, где был бивак, мы остановились. Здесь на холме в сторону солнца было сухо и не было снегу. На этот раз была очередь нашей и 7-ой роты оставаться два дня на биваке, а две роты пошли на самый перевал. С нашей роты выставили на смену, уходящим на отдых ротам, сторожевые посты. Бы-

стро были разбиты палатки. Я поместился в палатке с нашим подпрапорщиком. Через час по приходу, у нас уже был готов котелок с кипящей водой, и мы приступили к праздничной трапезе и пили шоколад со сливками. Весь день прошел хорошо. Но в горах всё-таки было порядочно холодно, в особенности с заходом солнца. Солдаты весь день собирались группами, шутили, смеялись, вспоминали случаи из боевых столкновений с турками и курдами, говорили много о мире и многое другое.

23 марта. Сегодня второй день св. Пасхи и день так же хороший, как и вчера. Мы так и ожидали, что турки наверно попытаются во время Пасхи наступать, но вот день близится к вечеру, а кругом всё спокойно. Но охранение наше было усилено, и посты были выставлены по обеим сторонам перевала на самые высокие вершины. Здесь же на биваках находилась и горная артиллерия. После обеда один артиллерист играл на двухрядной гармони, и некоторые из наших солдат пускались в пляс, выделывая всевозможные «колена», много было смеха и шуток. Один цыган-солдат до того напрыгался, что захромал. Интересно было смотреть, как выплясывал наш ротный фельдшер Павел Бондарев, в больших валенках, от которых то и дело отскакивала вверх присохшая грязь...

24 марта. 3-й день пасхи: в 6 ч. утра была получена вр. Ком. Ротой прапорщиком Морским телефонограмма от Командира 2 батальона о наступлении турок на Клыч-Гадукский перевал. По приказу командира батальона наша рота была оставлена в резерве, но спустя час от начала боя, первая полурота была вызвана на перевал, а полурота осталась на месте. Турки заняли дальние вершины с левой стороны перевала, и ими был открыт сильнейший огонь по нашим, но много пуль, перелетая через вершины, занятые другими ротами, попадали в место стоянки нашего бивака. Укрыться было негде, и мы ходили по биваку шутя и делясь впечатлениями боя. Турки видно с самой ранней зори успели занять позиции и старались обойти наш левый фланг. С утра же погода изменилась, дул холодный ветер, было пасмурно и шел мокрый снег, время от времени заходил на горы густой туман, и тогда на время стрельба

утихала. По прояснении же тумана стрельба снова учащалась. Часто раздавались орудийные выстрелы, производимые с наших позиций по цепи неприятеля. Турки дружно переходили с хребта на хребет и постепенно сближались, наши выжидали удобного обстрела. 2-ой взвод нашей роты был выслан на левый фланг нашей цепи в распоряжение 6-ой роты, которая и приняла участие в бою. Когда неприятель был уже на предпоследней вершине, наши цепи открыли по ним меткий огонь, тут затрещали наши пулемёты... Турки по-видимому пуль не ждали и буквально засыпали частым огнем, но безрезультатно, они делали перелёт и много пуль шлёпалось между нашим биваком, и были прострелены многие палатки, но вреда никому не причиняли. Пули шлепались с большим визгом и были все свинцовые, и не дай бог получить рану от этих пуль, которые приносят невыносимую боль и, попадая куда либо в кость, они совершенно раздробляют её. Не раз пули засыпали мне лицо землёй, шлёпнувшись впереди или поблизости. Вскочишь и перебежишь на другое место... Бой длился до 5 часов вечера, турки видно старались атаковать наш левый фланг, но неся большие потери от нашего огня пулемётов и горных орудий, стали перебегать назад и постепенно удалялись с высот. Потерь у нас не было, за исключением, двух случаев, когда наши солдаты, проходя по гребням гор, сорвались и по скользкому снегу катились с крутой горы до препятствия шагов по 200 или 300. Один отделался легкими ушибами, а другой повредил кисть руки и содрал кожу на одной ноге и, ударившись о большой камень, сломал штык и расколол [...] винтовки. Сейчас же им оказали помощь и отправили в околод в Чурук.

В 7 часов вечера, когда возвратились с перевала наша первая полурота, я был назначен по делу идти в Кола, к месту нашей стоянки. Вышел я из бивака в 7 часов вечера и, пройдя горные тропы, вышел на равнину. Уже стало темно, под ногами не было видно ничего и была грязь, а идти по снегу было невозможно, так как проваливался... Да кроме того шел мокрый снег почти весь день и вода местами доходила до колен. Словом, с большим трудом я один, среди темной ночи плёлся с бивака в Кола, куда и пришел к 10.30 часам ночи. Промок, как говорят, до ниточки, в сапогах набрал через

голенища полно воды и устал изрядно.

Придя в свою землянку, я сначала затопил дровами железную печь; снял с себя мокрое бельё и одел чистое. Согрелся около печки, товарищ принес мне котелок воды, и я вскипятил себе чаю. А пить хотелось, просто душа высохла, и я с жадностью один выпил весь котелок чая. Затем мне что-то вспомнился свой дом и родные, которые в этот момент, наверное, спали в сухой чистой комнате и на мягких постелях... вспомнил и свою молодую любимую мою жену Шушанну, с которой мне так скоро пришлось разлучиться... Хотя я и лег отдохнуть, уснуть, но мысли разные приходили мне в голову и не давали спокойно уснуть. Провертелся почти до 1 часа ночи, когда и уснул...

Впоследствии я узнал, что в этот самый вечер у нас дома были крестины... Бог послал мне дочь, которую прозвали Лусикой.

8 апреля. После обеда я с фельдфебелем Михаилом Афанасьевичем Мащенко ездили верхом в сел. Чурук, в штаб полка для сверки дневника. Там писаря дали мне письмо-открытку. По возвращении через 2 часа в Кола, я прочитал это письмо, которое прислано моей мамой Анной, где она меня поздравляет с дочерью. Эта весть очень меня обрадовала, и я рад был, что Шушаник благополучно разродилась девочкой 19-го марта 1915 г. Хотя мне это услышать было приятно, но я сожалел, что не мог присутствовать в такой великий и трогательный день, когда я сделался отцом и Бог послал мне первое дитя. Ведь эта раlость великая для каждого семьянина, но обстоятельства военного времяни не позволяли мне принимать участие в радостях, посланных мне Богом, для всей нашей семьи и меня первой моей дорогой дочери Лусики. В душе я поблагодарил и просил Бога о ниспослании ей полного здоровья и счастья и мне, чтобы благополучно когда-либо увидеть свое дитя и свою дорогую жену, мать, бабушку, братьев и сестер. Из последующего письма Сережи я узнал, что крестины состоялись 24 марта 1915 г. и кумом был Сергей Акопович Аракелов.

19 апреля. С наступлением апреля месяца погода изменилась к худшему, стало сыро, холодно и ежедневно почти шли дожди. 19-го

апреля в 9 часов утра при ясной погоде мы и 7-я рота выступили из Кола через Султан-Абат на Чурук. Через реку Тарьян-Су нас перевозили на лошадях казаки. Из Чурука выступили на сел. Хошиан. По дороге мы встретили 4-й батальон, который направлялся к селению Кола. Пришли мы в село Хошиян к 6 часам вечера и расположились по квартирам. Не лишнее отметить, что 5-го февраля по приказанию Командира полка бывший наш фельдфебель Т. К. Меликов был отправлен из роты в сел. Зиро за старшего в 1-й взвод дивизии обоза 66 пехотной дивизии. Привыкнув к нему, мне с первого раза было скучно. На место его был назначен вр. Ком. Ротой Карахановым, фельдфебель Мащенко. В этот день был отправлен в Кара-Килису наш полуротный прапорщик Марский на верблюдах, так как заболел тифом.

27-го марта по выздоровлению из Эривани прибыл в роту прапорщик В. М. Оганянц, который временно был прикомандирован вместо Караханова к 7-й роте. Стало скучно мне и я оставался как сирота, ушли от нас наш фельдфебель Меликов и не было нашего командира роты штабс-капитана Семёнова, с которым я так свыкся и теперь скучал.

22 апреля. Погода опять плохая — то снег, то дождь, и холод без конца, просто надоело. По слухам, наш отряд скоро двинется вперед.

24 апреля 6-я рота пошла из Хоштан на рекогносцировку. Другие наши батальоны двинулись через перевал на Дутаху.

26 апреля 7-я рота выступила из Хошиан к Челканам. Теперь осталась в Хошиане одна наша рота, взвод Казаков и штаб с штандартом 3-го Кизляро-Гребенского Казачьего полка. Отсюда не далеко и сел. Мола-Сулейман, Зейдекан и Шадиан, которые хорошо видны, а также и Алашкерт. Вокруг нашего сел. Хошиан вырыты хорошие окопы. Некоторые возвратившиеся армяне, жители Хошиана, занимаются посевом тут же и в Мусури.

24-го уехал в Челканы или Чурук прапорщик Оганянц.

4 мая. Утром 1-го мая по назначению ротного командира я пошел в Кара-Килису за картами и за получением посылок для нижних чинов роты. Вместе со мной пошла и арба, запряженная двумя буйволами, под управлением Павла Зюзгина, на которой были нагружены палатки и лишние ротные вещи для сдачи их в полк. По дороге в Кара-Килису встречается много речек и ручейков, и в 5-ти случаях приходилось мне садится на арбу, чтобы переехать глубокие речки. По сдаче вещей на этой же арбе я должен был привезти посылки из Кара-Килисы. День 1-го мая был очень жаркий, и идти было жарко, но спокойно и, не торопясь, мы доехали к 3 часам дня в Кара-Килису. По дороге, проезжая через Чурук, я виделся с прапорщиком Оганянцем, который, разговаривая, прошел со мною с версту... Приехав в Кара-Килису, мы остановились при нестроевой роте у Каптенармусов нашего батальона. Павел Андреевич Прокопенко (каптер 8 р.) приготовил для нас чаю, послал за закусками Зюгина, который купил 15 шт. яиц и три булки французских. Сделали яичницу, закусили чудно с дороги и напились чаю. Затем я пошел по делам, порученным мне, в полковую канцелярию. Постепенно Кара-Килисы стал оживать, появились разные торговцы, открыто много лавок и магазинов. Ярко бросаются в глаза палатки «земского союза», устроивших здесь лазареты, госпитали, бани и т.п. Всюду чистота и образцовый порядок. На душе становится отрадно, видя живую деятельность Русского Земского Союза и приносящую большое облегчение воинам заболевшим или раненным. Хорошее и доброе отношение ко всем. Заведует отделом дочь Льва Николаевича Толстого княгиня Александра Львовна.

2 мая. Я понес в Кара-Килису полевую почту, сдал около десяти переводов, поручивших мне наших солдатиков, денег, для отправки на родину. Затем, купил для роты сахару и еще кое что, получил 49 посылок (в числе которых была одна моя в 36 фунтов). Всё это погрузили на арбу и выехали из Кара-Килисы около 12 часов дня. Было жарко. Проезжая мелкие речки, буйволы ложились в воду, так как им было жарко, да вообще они жару не переносят и любят в лето ложиться в лужу или воду. К 5 часам мы доехали к Челканам. Меня встретил Ваган, которому я привез посылку и письмо, пере-

данное мне торговцем от невесты Вагана из Эривани. Так как нам ещё оставалось ехать до Хошиана более десяти верст, то мы решили заночевать в Челканах. Меня пригласил к себе Ваган и угостил чаем с молоком, немного закусили и уже к 8 часам я лёг отдохнуть. Ноги порядочно устали и давали знать о себе, но постепенно я забылся и уснул. Но спать долго не пришлось...

Все тело кусали и как иглами кололи, эти назойливые бессовестные блохи. Некоторое время я стойко терпел, думая, что блохи, утолив свою жажду моей кровью, оставят меня в покое, но не тут-то было. Тело всё горело от укусов, в особенности руки и ноги и я вынужден был позорно бежать от этих невидимых врагов. Было не более 2-х часов ночи, я ходил по деревне в ожидании рассвета и около 4-ч часов утра я разбудил Павла Зюгина, который вновь нагрузил арбу посылками, запряг буйволов и мы уже около 5 часов тронулись из Челканов, и прибыли к 8 часам утра 3 мая в Хошиан.

После обеда я вскрыл посылку свою и был очень удовлетворён этим, что у меня была чудная закуска и сласти, и пасха, и многое другое. Хотя прошло и вознесение, но для меня только начиналась Пасха.

Наша стоянка в сел. Хоштан ничем новым не окрашивалась, дни шли скучно, погода стояла переменная, несколько раз на день лил дождь, а затем снова светило солнце. Появлялись жители, прибывшие из Эривани, беженцы из Хошиана и других местечек.

5-го мая из полка были присланы для всех рот по одной 2-х рядной гармонии фирмы «Адлера» и по одному бубну, для развлечения и игры в свободное от занятий время, нашлись и играющие. По вечерам уже заметны большие группы солдат, где весело играют на гармошке и находится много любителей танцевать. Пляски задавали вовсю, местами некоторые подпевали песни. И так, в среду нашей однообразной боевой жизни внесло веселье и развлечение появившиеся гармонии.

7-го числа в Хошиан пришла Ставропольская пешая дружина. Они расположились биваком на высоте рядом с армянскими кладбищями. Стало оживленнее и веселее.

10 мая в Хошиан приехал наш полковой Казначей и привез солдатские переводы и деньги за недополученное на завтрак сало с 18-го августа по 11 декабря 1914 года. Получил и я перевод 10 р. от Ашхен.

11-го мая приехал и Командир наш из командировки из Тифлиса и сам лично вечером выдавал всей роте деньги за сало.

12 мая. Я был назначен Командиром роты в Кара-Килису по некоторым делам и нужно было сдать в полк деньги и, кроме этого, нужно было отправить переводы нижних чинов, которые имели излишек денег и желали их отправить своим семьям и родным. В общем я получил от командира денег в сумме более двух тысяч рублей и верхом на ротной оседланной лошади поехал в Кара-Килису, куда и приехал к 1 часу дня 12-го мая. Отдохнув с полчаса, я пошел в канцелярию нашего полка, сдал при рапорте следуемую сумму и справился с другими делами. К 7 часам вечера я пошел на полевую почту, купил сто переводных бланков и затем, написав около 70-ти переводов, сдал тут же на почте чиновнику. На почте пришлось подождать получения квитанций до 9 часов вечера.

13 мая. Я утром пошел в канцелярию полка, получил для своей ротной канцелярии писчей бумаги и книгу «Дневных Записок». Затем прошел в лавку, сделал небольшую покупку себе и командиру и ровно в 11 часов выехал из Кара-Килисы. В Хошиан приехал к 3 часам дня.

16 мая. Получено было приказание выступать 5, 6, 7 и 8-й ротам вперед через Клыч-Гядукский перевал. 5-я рота стояла до этого впереди от Хошиана, в 15-ти верстах в горах, в сел. Севине. Мы должны были ожидать прихода 5-й роты, совместно с которой должны были и двигаться всем батальоном. Ровно в 5 часов вечера три роты 6, 7 и 8-я выстроились на плацу. Пришел наш батальонный Командир Капитан Вернигорин, поздравил нас с походом, пожелал нам всего лучшего и счастливого возвращения всех домой. Затем прочитал молитву, все обнажили головы... Последовала команда «На плечо!», «Отделениями правы плечи вперёд — Шагом —

Марш!» и все тронулись в путь, не зная, что впереди каждого из нас ожидает. Солдаты в путь, каждый делал крестное знамение и в душе молил Бога о счастливом походе и многое…

За деревней Хошиан, по обеим сторонам дороги были выстроены в две шеренги ратники из дружины, которые крикнули «Ура!» пока мы проходили. В ответ им мы тоже кричали им «Ура!». Пройдя уже их ряды всё ещё доносилось громкое, могучее «Ура!», которым они нас провожали. Из этого видно, какая тесная связь и любовь общая на общее святое дело. И успех наш заключается во взаимной любви и поддержки друг друга во всех боях.

В этот день мы должны были дойти лишь до Чурука. Пришли в Чурук к 7 часам вечера. Лил хороший дождь пока шли, и ввиду того, что было на дворе грязно и сыро, нас разместили по избам.

Мы себе нашли чистенькую комнату, сравнительно от землянок, хотя без дверей, но всё же лучше и можно будет обсохнуть. В этой комнате поместились я, наш фельдфебель Михаил Мащенко, фельдшер, инструктор с каптенармусом и ещё 3 человека из нашей роты. Затем следовала обычная привычка: согрели в ведре чаю, имелась у меня и закуска домашняя, колбаса, сардины и сало. После завтрака и чаю улеглись спать.

17 мая, то есть на другой день, утром в 10 часов выступили из Чурука на Султан-Абад. Дорога шла через реку Шартян-Су, после дождей которая широко разлилась и снесла устроенный сапёрами временный мост. Подойдя к реке, некоторые из офицеров верхом начали искать брод, где можно будет переправиться через реку. Брод подыскали на самом широком месте, так как было не очень глубоко. Все солдаты разулись и частью разделись, уложив свои вещи, то есть скатки, патронташи, вещевые мешки и т.п. в палатки, взяв в одну руку винтовку, а в другую узел с вещами и своей одеждой, мы начали один за другим «гуськом» переправляться через реку. Вода была очень холодная, сначала ноги просто ломило от холода, просто от непривычки, но затем как-то забылся холод, а стало больно от камней и ноги очень болели от неровных, мелких камней. Я чуть не выронил свой узел, наступив на острый камень, но меня товарищ поддержал, и я сам сознавал, что от этого не по-

лучается, глубина была средняя, не более как до пояса и немного выше. Наконец, часа через 2-3 переправились все три роты и обоз. Тут все оделись, обсохли на солнце и пришли в Султан-Абад, который тут же близко. Расположились на склоне в палатках, на зеленой травке. Это было впервые после зимы, когда мы на чистом свежем воздухе среди цветов и трав устроились в своих походных палатках. Словом, вышли как на дачу. Как хорошо и весело жить в поле, после этих грязных, темных прокопченных землянок курдских деревень…

Мы четверо устроили сзади нашей роты отдельную палатку: я, фельдшер, инструктор и рядовой Басенко Михей, который взялся тут же за приготовление завтрака и чая. День прошел весело, кругом солдаты играли на гармонии, пели и плясали до поздней ночи.

На другой день, утром мы должны были ожидать прихода нашей полковой духовой музыки, которая ночевала в Челканах. К 9 часа музыка уже была в Султа-Абаде.

18 мая. Полковой хор был составлен из запасных музыкантов и всего только, как недели две, не больше, и поэтому требовать много от них было нельзя. По просьбе батальона они сыграли два марша. Затем быстро убрали палатки и выстроились и ровно в 10 часов утра выступили к перевалу Клыч-Гядук. Идти было трудно, так как подниматься в гору, да ещё в полном снаряжении, а тут солнце печёт и невыносимо жарко. Шли поэтому тихо и часто отдыхали. Часа в 2 дня дошли до самого перевала. На перевале стояла рота, казаки и два полевых отряда. Здесь мы отдохнули почти около часа и двинулись вниз по направлению города Дутах-Кебиру.

Спустясь в долину и пройдя около 5 верст, был привал. На привале отдыхали, а некоторые сейчас пошли в поиски за дровами и стали греть чай. Жара стояла во всю. Я тоже немного уснул, встал и напился чаю, который мне предложили товарищи, имевшие его в излишке.

Здесь играли музыканты несколько раз и затем тронулись в путь, до Дутаха ещё было около 18-ти верст.

В Дутах пришли часам к 9-ти вечера и стали биваком за городом по правую сторону реки Ефрат.

22 мая. Всего в Дутахе мы простояли мало, около трёх дней. Время провели спокойно. У нас в роте имелся бредень (небольшой) и ротный Командир ходил с несколькими человеками солдат ловить рыбу в реке Ефрат. Рыба ловилась хорошо и крупная, так что несколько раз и мы жарили свежую рыбу. Приходилось мне быть в городе, сравнительно с Кара-Килисой — Дутах красивее. Стоит внизу, кругом горы и с одной стороны река. Но построен, как и другие турецкие местечки, без всякой планировки. Деревьев нет никаких. Но есть отдельные хорошие здания из камня.

Работа наших войск кипит вовсю, исправляют дороги. Уже построены полковые хлепопекарни, есть скиды интендантства и дивизии. На Ефрате идет усиленная работа по постройке моста. Мост хороший и приспособлен для езды. 21-го мая наш батальон выступил из Дутаха в 2 часа 30 мин. дня вперед. Шли часа 4 и расположились лагерем при турецкой деревни Шейх-Зеляне. Здесь, как видно, жители не успели бежать, и в деревне много турок, детей и женщин.

25 мая был молебен и затем парад. Проходили церемониальным маршем.

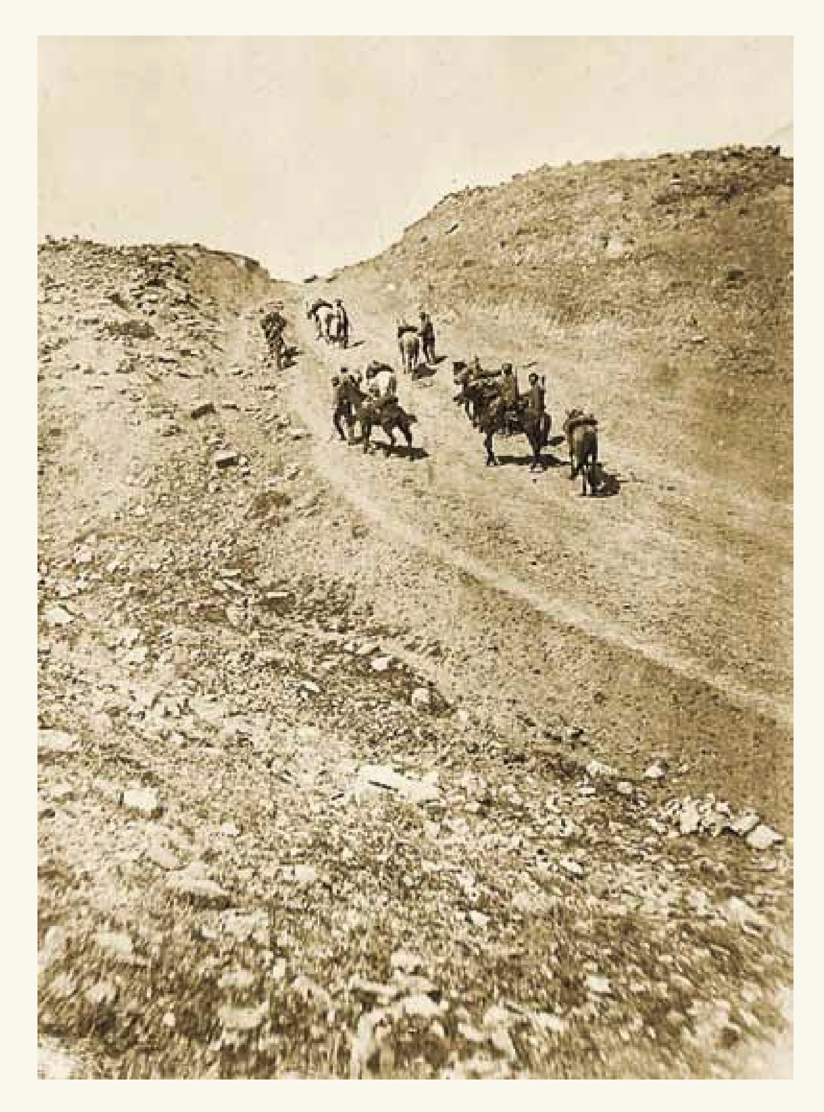
К вечеру этого дня было гуляние. Играла впереди лагеря музыка, играли гармонисты, танцевали многие, пел светские песни полковой хор певчих. Нашлись и комики, артисты, рассказчики и куплетисты; был подражатель под свист разных птиц. Словом, весело провели время. Во время этого гуляния присутствовал наш командир полка и все офицеры, врачи и священник. Под конец заиграли марш «Разлука» и вечер кончился, разошлись все по палаткам.

31 мая, воскресенье. Занятий нет, к вечеру играл хор полковой музыки и гармонисты, шли разные пляски и т.п.

2-го июня. Сегодня наша рота пошла в Дутах в баню купаться. Часам к 3-м дня я вместе с каптенармусом Павлом Прокопенко поехал ротной двуколкой в Дутах, откуда должны были привезти из пекарни хлеб. Я в Дутахе искупался в устроенной бане один, так как рота давно уже выкупалась и уже сидела на берегу Ефрата,

возле вновь устроенного конного моста. Набрав хлеба, мы с двуколкой возвратились обратно.

13 июня ровно в 11 часов дня экстренно получено приказание о выступлении 6 и 8-й роты к 5 и 7-й в Мелязгерт. Немедленно стали приготовляться. Рота, пообедав, выстроилась во взводную колонну. Командир полка напутствовал нас и пожелал нам всего хорошего... Погода была после дождя прохладная, и идти было хорошо. К 7 часам уже 6 и 8-я роты были за 20 верст у сел. Аджибот, где высыпала масса армян и все сняли свои шапки... Здесь стали мы биваком. Выйдя из Шейх-Зеляна, верстах в 5-ти была какая то маленькая курдская деревня, где ютились немного армян, бежавших из своих селений. Все радостно встречают. Когда я с ними поздоровался, то меня окружила целая куча армян женщин и детей. Все расспрашивали, кто я и откуда идем, много ли нас и т.п. Мне сильно хотелось пить. Я попросил их, нельзя ли наскоро как-нибудь вскипятить воды для чая, а чай и сахар у меня был, да и хранилось ещё печенье. Одна из женщин армянок стремглав бросилась к себе и обещала, что постарается согреть воду. Через полчаса я уже сидел у нее вместе с Павлом Прокопенко и Костенком. Она подстелила нам какое то одеяло на пол и тюфяк и просила извинения, что не чисто, и не может нас должно принять. С заботливостью пополоскала она наши кружки, принесла в глиняной чашке молока, три-четыре лаваша и стала наливать нам чай. Чай и сахар, конечно, был наш, а эти несчастные беженцы ничего не имели. Многое она поведала нам о своем горе, как убили её мужа, и она осталась с дочерью, и каким-то чудом ей удалось бежать из своей деревни, недалеко от [...]. Мы наскоро напились чаю с молоком, дали ей немного денег и чаю с сахаром, она не брала, но мы её заставили взять, так как ей это дорого стоит, и, пожелав ей всего хорошего, ушли. Много она молила за нас и, смотря вслед, плакала, быть может, вспомнила она своего мужа или потерянную жизнь, или же жалела нас, не знаю, но только мы ей и другим несчастным обещались, что мы жестоко отомстим этим варварам курдам за нанесенную им обиду. Одна старушка с мольбой и слезами умоляла нас, чтобы не убивать её сына, которого взяли в «аскеры» турки и, быть может, его заста-

вят идти впереди турок сражаться с нами; она даже описала наружность и приметы своего сына и просила как-нибудь его выручить из рук турок... Несчастная мать, как она легкомысленно и самонадеянно просила нас, как-будто это так легко выполнимо. Но мы, всё таки, и ей обещали исполнить и утешили...

В сел. [...], где мы стали биваком, жили беженцы армяне из [...] Мелязгерт. Все сильно пострадали и разорились. Здесь солдаты покупали у них молоко, все они с затаенной радостью глядят на нас и питают надежду на свое будущее спасение. Готовы все оказать какую только могут услугу. Мы некоторым больным оказали помощь через посредство нашего врача Матрасовича. Выступили из Адем-Бота в 7 часов утра на Мезглярт. Дорога идет над горой с левой и рекой Ефратом с правой стороны. Во время привала возле одной деревни, где было тоже масса беженцев, солдат из 6-ой роты сфотографировал группу армян и офицеров среди них, вперемешку, где был и я. Среди беженцев большинство детей сирот и женщин. Картина печальная. Так, понемногу, мы дошли до города Мелязгерта к 7 часом вечера, высыпали масса армян беженцев, все обнажали головы и кланялись. Заиграла музыка грозненского полка при входе нашем в крепость. Это встречали нас. Затем, пройдя город, мы стали биваком за городом, где, днём раньше, пришли наши 5 и 7-я рота. Едва успели разбить палатки, как полил сильный дождь с градом. Спать было холодно и сыро. К утру погода стала лучше. К 8 часам наш батальон уже собирался к выступлению дальше. Начальник дивизии, Генерал-Лейтенант Варопанов собрал нас вокруг себя и сказал несколько слов. Поблагодарил нас за понесенные труды и отличия, затем, сказал, что посылает нас отомстить за наших пострадавших товарищей из 4-го батальона, которые имели бой с трое большими силами турок, потеряли своего командира батальона Капитана Никитина и ещё трёх офицеров и около 140 нижних чинов.

Из Мелязгерта выступили на дер. Кара-Али-Ханык. Дорога идет здесь всё время то в гору, то с горы. Эти горы очень нам надоели, и нет им конца. Наступили сумерки, а мы всё двигались дальше. Наконец, показалась деревня, подошли к ней, а это оказалась не та, и мы двинулись дальше. Стало уже темно, люди очень устали, но постепенно двигались то на гору, то под гору, некоторые не раз бранились на паршивые дороги и эти замучившие нас горы. И так, с отдыхом, идем и идем, обоз тоже движется следом за нами по крутым и косым дорогам, лошади тоже изрядно измучены. По

времени, мы бы должны давно быть в Ханыке, но она не показывалась. И, наконец, уже около 12 часов ночи стали мы спускаться к низу, выслали вперёд драгун разведчиков. И что же оказалось, что наш батальон сбился с дороги на Кара-Али-Ханык, и мы было напоролись на турок. Медлить было нельзя, и сейчас же все повернули обратно назад, дабы не обнаружить себя. Торопились и отошли назад за 6-7 верст. Здесь, близь какой-то курдской деревни, дали нам и обозу отдохнуть и подремать. Я так прозяб, что пролежав на траве часа полтора, не мог удержать дрожь тела и тряску своих зубов. Был весь вспотевший и затем лег на влажную траву и в одной шинели, скоро и заря холодная. Но уже к 4 часам мы выступили вновь с проводниками драгунами куда и следовало. Через час мы уже были все в Ханыке. Здесь было три полка драгун, Тверской, Нижегородский и Забайкальский, и ещё батальон Грозненского полка.

15-го июня ровно в 8 часов двинулись к позициям неприятеля в боевом порядке. Удивительная местность, всё время горы, одна выше другой, и крутые ущелья, скалы. Неприятель занимал дальние самые высокие вершины. Наша задача была сбить турок и занять г. Ахлат, что на берегу озера «Ван». Все ехали и шли молча, озабоченно крестясь в дорогу. Да и было чего молчать и молиться. Ведь многих ожидала слава и многих геройская смерть. Но шли бодро и смело, сознавая важность момента, и слова нашего Нач. дивизии. Нужно было отомстить и выбить врага. За кавалерией и пехотой двигались носилки на двуколках с лошадьми лазарета 66 пехотной дивизии. При нас была и артиллерия горная и конно-горная и пулеметы. Сделали один выстрел по позициям турок из орудия. Сейчас же отозвались турки и стреляли из двух орудий по нас. Это нужно было узнать, как расположен враг. Наша рота была в прикрытии артиллерии. Шрапнели турок рвались недалеко, но не причиняя вреда нам. Наши старались скорее вывезти орудия на более удобную позицию и наскоро проделывали дорогу, и совместно с пехотой часа через два вытянули орудия на намеченные позиции. Между тем одно или два орудия перестреливались для отвода глаз с турками.

* * *

Раіонъ завоеванной Арменіи.

(Отмѣченная штрихами //// область—раіонъ, взятый нашими доблестными кавказскими войсками при послѣднемъ наступленіи).

***

30 марта 1944 года в 4 часа вечера приехали с колонной машин 11 шт. с рыбой из города Кизляра. Часов в 17 я пришел домой. Вхожу и, к удивлению своему, вижу – сидит дома Нина со своими сыночком Витей. Радости моей не было конца. Наконец у меня есть первый в моей жизни внучок Витя, и я стал дедушкой. Это Нина и зять Шура проезжали с особым поездом со своим институтом РОЖТА из гор. Тбилиси в город Ростов-на-Дону, где по дороге со ст. Гудермес Нина отстала от поезда и заехала с сыном к нам домой, а в это время Шушанна с Люсей ехали в Гудермес и ожидали встретить Шуру и Нину. Но Шура успел уже отправить Нину с Витей к нам домой.

Нина пробыла у нас дома по 2-ое апреля, а 2 апреля, в воскресенье мы проводили Нину одну с поездом наливным при содействии Богдана Мартыновича, и внучок Витя остался у нас. С одной стороны, очень приятно нам иметь дома внучка, но с другой стороны мне его жаль, что он остался без матери и материнской груди, так как он остался на искусственном питании.

Вот уже прошло пять дней, как дорогой Витя у нас. Шушанна-бабушка и Люся-тётя воспитывают и уделяют Вите особое внимание и безграничный уход во всём, день и ночь они проводят в хлопотах и уходе, и покормить ребенка. Витя выглядит очень хорошо, и у нас он является предметом радости и счастья. Все внимание уделяем ему, и не наглядимся на него, очень забавный мальчик и растёт нормально в уходе за ним бабушки и тети.

Издатель: Александр Арутюнов, внук автора
Дизайн и верстка: Евгений Арутюнов, правнук автора
Набор текста: Ирина Арутюнова, внучка автора

Ростов-на-Дону, 2013

30 Марта 1944 года. в 4 ч. в. я приехал с к
машин 11 шт. с рыбой из гор. Кизляра
я пришел домой. Вхожу и к удивлению
вижу - сидит дома Нина с своим сын
Витей. Радости моей не было конц
нец у меня есть первый в моей жиз
чок Витя, и я стал дедушкой. Это
зять Шура проезжали с особым поезд
институтом РИИЖТа из гор. Тбили
Ростов-Дон, где по дороге со ст. Гуде
отстала от поезда и заехала с сы
домой, а в это время Шушанна с
ли в Гудермесе и ожидали встре
и Нину. Но Шура успел уже отправи
Витей к нам домой.
Нина пробыла у нас дома по 2-ое
а 2 Апреля Воскресенье мы проводили Н
с поездом наливным при содействии
Мартыновича и внучок Витя ост
С одной стороны очень приятно нам

